

P-1268

оп. 1

г. 7

Энциклопедия

и история Кузбасса

мемо официальное письмо

Старшему

от Сорокина и Краевых

(Т. Евз.)

ОБЛОЖКА
ДЛЯ ДЕЛОВЫХ БУМАГ

2x/12/4

7

Книжка

ОПЫТ ВОЙНЫ НУЖЕН ТОЛЬКО ДЛЯ ВОЙНЫ

Областное отделение общества охраны памятников истории и культуры совместно с комитетом по культуре областной организации выпускает серию книг "50 лет Победы". Книга Владимира Мазаева "Мы всегда виноваты перед погибшими" - из этой серии.

Детство и отрочество автора пришлись на годы войны и проходили в Новокузнецке. Что-то из впечатлений той поры "проникло и на страницы этой книги", признается он в послесловии. Остальной материал подарила ему, часто невзначай, богатая встречами судьба. И, конечно же, помогала очень свойственная этому человеку пытливость.

Итак, книга на столе. О ней, вернее сказать, по поводу ее беседуют автор Владимир Мазаев и его коллега писатель Владимир Куропатов.

- Владимир Михайлович, свое первое "военное" - "Гармошка на том берегу" - вы написали в конце 60-х, последнее - "Праздник возвращения" - в середине 80-х. Воды в российской политической реке утекло дай Бог, при всем прочем, в обществе произошли и желанные для нашего брата литератора перемены - мы обрели свободу слова. Так вот, если бы вы взялись за вещи, составившие книгу "Мы всегда виноваты перед погибшими", сегодня, все написали бы так, как написали?

- Скорее всего да, чем нет. А что написалось бы сейчас иначе - я в эту книгу просто не включил. Но твой вопрос, Володя, намекает, чувствую, на нашу славную цензуру / именовавшую себя каббалистическим словом "лито"/. Согласись, тогда мы были так "воспитаны" ею, что наперед почти знали, что "пройдет", а что "не пройдет". И рука сама дергалась: стоп! Туда не могли... Этим прежде всего и страшна была цензура - она превращала тебя в соучастники.

- Даже термин родился: внутренний цензор.

- Я по наивности сперва думал, что изъятое с типографской лентой /с рукописью цензор дел не имел/ просто бросается в корзину. Черта с два! Все педантично собиралось и "под грифом" отсылалось - в Главлит и в идеологическую инстанцию. Как только "изъятие"/по отдельному автору или печатному органу/ достигало критической массы - следовали оргвыводы. Неотвратимо! На фоне этой системы государство око граф Бенкендорф со своими 28 сотрудниками /на всю-то Россию!/ выглядел пригоготовишкой.

- Повесть, давшая название книге, я читал много раньше. И теперь вот перечитал другими глазами: уже лично зная геолога Владимира Аскольдовича Власова /ставшего писателем/ и узнав сейчас, что он - прототип младшего лейтенанта Ильи Паничкина. Гадаю: что тут от вымысла, а что от реальной судьбы Власова?

- Можно, Володя, на вопрос ответить вопросом? Ты сам автор многих книг прозы, скажи, почему читателей так волнуют прототипы? Прямо хлебом не корми - дай прототипа! А если проямлишь в ответ, это, мол, "из головы", то улыбка легкого разочарования тебе обеспечена. Наличие прототипа - это еще не индульгенция на отпущение зрехов. И как тогда быть с великим Пушкинским: "Над вымыслом слезами обольюсь"?

Но в нашем случае ты прав. Общее в судьбах Паничкина и Власова есть. Но только одной линией: побегом из концлагеря Заксенхаузен, под Берлином. Была уже слышна наша артиллерия, когда узников сбили в "этапы" и погнали в порт Любек, чтобы погрузить на баржи и утопить с баржами в море. Последним шедший "этап" ночью разбежался. Ну, а как встретили беглецов наши фронтные "органы", ты читал, знаешь. Могу добавить, что после "филтрации" кого-то к стенке, а остальных - на дальние поселения, под надзор комендатур.

3

- Ну а подробности взрыва Ильей Паничкиным в августе 41-го моста, который, как сказано в повести, "стал той опаляющей чертой, когда круто ломается человеческая судьба"? Рассказал кто-то? Или целиком вымысел?

- В таких подробностях никто, думаю, не расскажет, клянусь!

- Откуда тогда такое доскональное знание военных дел, оружия того времени?

- А Бог знает, как-то не задумывался... Но, скажем, автомат IIII /пистолет-пулемет Шпагина/ я и сейчас с закрытыми глазами разберу и соберу. Этот самый IIII с расколотым прикладом года полтора "жил" у меня под матрацем, в наволочке.

- И как же он туда попал?

- Коммерческая тайна! /смеется/ Ладно уж, скажу. С весны 42-го возле КМК стали расти горы битой военной техники, именуемой скрапом. Везли с полей войны на переплавку. Здесь все найти можно было. Но и потерять тоже кое-что. Скажем, глаз, а то и жизнь.. Но ведь нас, охломонов, некому было выпороть - безотцовщина, что с нее ~~не~~ ^{взяли} ~~взяли~~. Потом начальство схватилось, обнесло скрап колючкой. Но мы успели кое-чего нахватать.

- И под матрац?

Агага... Постреливать бегали в шахтные провалы, оттуда не слышно!.. Еще откуда знание? Однажды мне молодым журналистом случилось проплыть по Нижней Тунгуске на самоходной барже. Спал на штабеле ящиков с аммонитом. Как щас помню, 20 тонн! А возле другого борта - ящик с взрывателями, вопиющее нарушение техники безопасности! Знаешь, как это обострило мое творческое воображение?.. А ты говоришь, откуда подробности взрыва... Еще я 12-летним в Кенигсберге побывал, *спустя два месяца после его штурма.*

О поездке в Калининград знаю, а вот про Кенигсберг первый раз слышу.

В 41-м в Кузнецк эвакуировали Виленское пехотное училище. Моя мама устроилась туда кухонной работницей. А я в гараже

училищном притерся, паек "зарабатывал". И вот 9 мая 1945-го, Победа! А на 10 мая был, уже заранее, назначен отъезд эшелона с пожитками училища в обратный путь, в далекий неведомый мне Вильнюс /тогда еще Вильно/. И в теплушке на нарах — мы с мамой. Что ее толкнуло уехать? После ареста отца /в декабре 37-го/ мы лишились жилья, у родственников жили, теснота оголтелая, я под столом спал. Да и клеймо жены "врага народа" перспектив здесь особых не сулило. А тут такой случай, вдруг он будет счастливым?... И вот мы в Вильнюсе. Получили комнату в особнячке. Редкая ночь обходилась без выстрелов. Было тревожно, неуютно. Как-то утром увидели на крыльце истекшего кровью лейтенанта.

Грузовики автороты пошли за грузом в Ригу и Кенигсберг. Был июнь 45-го. Кадется, середина. Солдаты-шофера взяли и меня. В путевом листе я значился "стажером". Когда въехали в Кенигсберг, я был потрясен. Я вообще был болезненно впечатлительным...

— Чем особенно потрясен?

— Да всем. Видом города-скелета. Его центра. Тошнотным запахом старой гари. Поразили меня кварталы абсолютно целых домов, не тронутых ни огнем, ни снарядами. Но при том в квартирах с потолка и стен начисто обрушена штукатурка. Полуметровый слой на полу, на мебели. Когда на форты-крепости Кенигсберга обрушились сверхтяжелые снаряды наших мортир, собранных со всех фронтов, земля от их ударов тряслась четверо суток... И еще врезалась в память пожилая немка, подобравшая выброшенную нами тухлую селедку...

— А как ощутились снова в Кузбассе?

— Через полгода по приезде в Вильнюс мама вышла замуж. За военного, русского. Немного спустя он с командой поехал в глубинку на маслозавод, за продуктами для части, и его подстрелили "лесные братья". Мама в отчаянии стала повторять сквозь слезы: домой, сынок, домой... Помню, я страшно суетился возле, боясь, что она передумает. Незадолго до этого мне попался в календарике снимок: "Город Новокузнецк. Кинотеатр № "Коммунар". Я спрятался в кладовку и заплакал,

не понимая отчего плачу...

И еще одно впечатление лета 45-го. Жили мы на Антокольской. Улица эта длинно тянулась вдоль реки Вилии. Ранним утром мы все услышали как бы гул. Далекий, непонятный, из-под земли. Он нарастал, с западной стороны. Потом видим: движется колонна и нет ей конца. Очень медленно идет. Так же медленно, не подгоняя, идет редкая охрана, с автоматами за спину. Помню только общий вид колонны - потухшие лица, рванье одежд, брезентовые ботинки на деревянной подошве. Вот ботинки эти я запомнил навсегда! Тысячи обуток в них ног, стуча по булыжнику мостовой, и рождали этот неописуемый земляной гул. Ты не поверишь, гул бесконечно бредущих колонн висел над онемевшей улицей несколько дней и прерывался только на ночь.

- Кто же это был?

- Наши мужики. Из лагерей плена. Им даже не нашлось места по железной дороге. Гнали на родину пешим ходом...

- А как же тогда с торжеством победы, с волной энтузиазма устремленной в светлое будущее страны-победительницы?

- Победа была. И торжество было. Но торжество и эйфория главным образом на страницах печатных изданий. А мы-то с тобой - о людях... Трех поколениям внушалось: из войны народ вышел "очищенным", "еще теснее сплоченным" /ну понятно вокруг кого/. Господи, из войны народ вышел обескровленным, а страна разоренной. Что и окрепло, так это сталинская пенитенциарная система. Медики утверждают: оптимальный срок пребывания в боевых условиях - две недели. Дальше - апатия, равнодушие к смерти, психические сдвиги. Две недели! А война длилась четыре года. Миллионы фронтовиков вернулись надсаженными. Сколько было самоубийств, спилось, сколько. Мы все забыли! И женщины в тылу надсадились: *капотели и мужики рабские, голодуха, великий срок отпустил перный везд...*

А безногие на подшивниках солдаты, просящие подавание? Шибко они

*втрелись надсадились склади. В линии сяду сиб
Виле отделе во борьбе с бандитизмом - значит,
иоседобились.*

портили атмосферу "энтузиазма народного". Власти терпели их лето или два. Потом махом вывели всех, попрятали в инвалидные дома глубинок, смахивавшие на домзаки.

- И тем самым оприличили фасады городов и поселков? Наш стиль, кровный. Кстати, Владимир Михайлович, об инвалидах. Они были разные. Я назову дюжину имен фронтовиков, вернувшихся увечными, но сохранивших достоинство. И видел таких, которые, извините, спекулировали на своих увечьях, выставляя их напоказ.

- Да, верно. В детстве я ужасно стеснялся подавать милостыню прилюдно. В новокузнецке - вокзальный мост через рельсы. На его лестницах инвалидов сидело, как стрижей на проводах. Иду раз, и не приостановившись / от смущения / монетку кинул. Монетка в баночку звяк! и выскочила, покатила. Я сгорел, пока ловил монетку чертову на глазах прохожих и возвращал в баночку. Инвалид в спину мне, растяпе: "В меня немец так минами не кидал, как ты своим гривенником!". До сих пор просящих подаюние боюсь.

- Давайте перейдем к вещам более приятным. Жили в моем родном Кузнецове великолепные женщины - тетя Марфа Хрущева, ее родная сестра Груша Плетнева, тетя Аня Волчкова, тетя Мария Шаброва и еще многие женщины, которые в войну и колхоз тащили, и детей растили, и старых обихаживали... Все - копия вашей Марии из цикла "Рассказы сибирячки", включенного в книгу. Этот цикл, скажу без подхалимажа - классика. Могучая ваша Мария - очень узнаваема. Великолепные детали, блестящий образный народный язык. Пользуясь случаем и говорю вам публично свое читательское спасибо.

- Искренне тронут, Володя, твоей щедрой оценкой. Но, надеюсь, ты это место с пленки сотрешь...

2 Почему?

- Иначе /смеется/ прибавка пары-другой недругов в среде нашей

литературной братии мне обеспечена...

- Тогда я подумаю!.. А что побудило вас посвятить "Говорливую речку Кондому" памяти замечательного человека Ивана Алексеевича Балибалова?

- То, Володя, и побудило, что это был замечательный человек. Войну прошел от и до. Командир батареи. Кавалер ордена Александра Невского - редкой военной награды. Вот кто оглядывался на войну трезвым и беспощадным взглядом! И он, заметь, владевший пером, почти ничего не писал о войне. И знаешь почему, мне кажется? Он обронил как-то: опыт войны нужен только для войны.

- И последнее. Почему военная тема в вашем творчестве стала одной из ведущих?

- Ты считаешь?.. Да как-то незаметно вышло. Но почему, скажи, вообще для многих писателей, которые не мне чета, тема Великой войны стала главной, если не единственной? Помнится, к 40-летию Победы читатель был даже слегка перекормлен ею...

Правда чувств в литературе - она или в трагическом или в смешном, согласен? Смешного в нашей жизни было много, однако для этого Гоголи и Щедрины требовались...

- Но такие Гоголи, чтобы нас не трогали?

- Вот-вот. Трагического же - ну ^{не}было - и всё тут. Ни катастроф не было, ни завала пятилеток, ни даже наводнений. А в ней, в военной теме, была правда чувств, без которой литературе не жить. И грусть неподдельная была, и печаль. И радость "со слезами на глазах". И высокая драма. Малейшая же фальшь кричала благим матом. И писатель, наевшись преснятины конфликтов отличного с хорошим, летел настырно за уходящей из людской памяти войной. Это была ниша, если хочешь. Конечно, в этом всем ^{есть} что-то от патологии. Нельзя вечно с войной в башке жить. Но разве война - это не вселенская патология?

- Владимир Михайлович, уж очень тово... круто.

- Извини, растащило.

- Ну хорошо, давайте теперь все же скажем наше спасибо этой

литературе и закончим...

? - Скажи, скажи, Володя. Хату

- ~~Погоди, Володя. Теперь~~ тебе вопрос, на засыпку. Намедни я пролистал свои блокноты и набрел на такую вот запись 70-х годов: "В центре деревни поставили бюст дважды Героя, здешнего уроженца. Потом деревня захирела, жители разъехались, дома вывезли. Посреди заросшего бурьяном пустыря остался только бюст дважды Героя, земляка... Эх, земляки, земляки..." Кавички, как говорится, закрываются... Ну-ка прокомментируй.

- Наше беспамятство и равнодушие общеизвестны.э

- А как бы поступили на месте тех разоренных селян мы с тобой?

Хорошие, надо полагать, памятливые неравнодушные. люди

- Это же символ. Когда он среди трав забвения - кощунство...

Может, в областной центр перетащили бы?

- Что ты, тогда уж сразу в Москву. А то вдруг еще ^{куда} придется...

- Сторожа с берданой оставили бы.

- Ну вот, Володя, ты уже на иронию съехал. По статусу такие бюсты должны стоять на родине героя. Я вот тоже не знаю. Но перечитав свою запись ~~в 70-е~~ сегодня, признаюсь тебе, я вычеркнул со стыдом в душе последнюю фразу... Если эту проблему ввести в компьютер - бедняга задымился бы, ей-Богу.

- Вполне возможно. В нем же, в бездушной железяке, нету шкалы нравственных ценностей...